

Рефлексируя проблему

Лидия ВОСКОБИТОВА

Поднятая тема весьма актуальна и затрагивает как разные научные области, так и разные практики. Особенно она созвучна юриспруденции, которая сама переживает кризис, во-первых, как результат происходящих в общественной жизни России перемен, во-вторых, как результат огромного потока новой и разнообразной информации, требующей изучения, осмысления и адаптации к имеющимся теоретическим знаниям.

Юриспруденция весьма близко соприкасается с социальными науками и тем более с социальными практиками, но пока эти связи еще далеко не осознаны. Например, юридическая психология до сих пор недооценивает новые наработки в области психологии коммуникации или конфликтологии. Уголовное судопроизводство все еще находится в плену многих марксистско-ленинских представлений и ценностей. Теория права до сих пор воспринимает право только через текст закона или иного нормативного акта, не признает или спорит о роли судебной практики и судебного прецедента. Права человека воспринимаются только тогда, когда они записаны в тексте закона. Иные права весьма трудно отстаивать в любом государственном органе и даже в суде.

Усложнение общественных отношений, разрушение единой идеологии и системы ценностей и необходимость выстраивать свою собственную опорную систему, признание многополярности мира и многообразия мнений, проявления субъективного ощущения прав человека и требование их признания и защиты — все эти новые социальные явления делают прошлые представления о праве беспомощными, а другого представления о праве пока нет. Поэтому использование закона как основного правового регулятора становится заведомо неэффективным: право не может фиксировать в законе все нюансы современных отношений, но попытка сформулировать некие абстрактные общие нормы встречает противодействие субъективно переживаемого права и порождает правовой нигилизм.

Эти и другие критические факторы в юриспруденции находят свое разрешение через юридическую практику. Практика, как поток воды, ищет свои пути. Практику нельзя остановить в ожидании новой теории или уточнения законов. Практика происходит здесь и сейчас. Поэтому для решения банальных правовых ситуаций она использует столь же банальные правовые нормы. Но для решения нестандартных ситуаций практика «изобретает» свои технологии, посредством которых она пытается решать поставленные перед нею государством и обществом задачи. Поскольку ни государство, ни общество пока не могут обеспечить практике внятное и технологичное управление, практика решает задачи, ориентируясь прежде всего на свои собственные интересы. Они могут совпадать с общественными, и тогда практика оценивается положительно. Они могут прямо противоречить общественным интересам, но тогда создаются технологии, позволяющие завуалировать, спрятать, не афишировать и т.п.

это противоречие. Но в таком случае происходит определенный, в том числе и возможно негативный «ценностно-нормативный синтез знания», о котором пишет Тульчинский.

Поэтому создание некоторых научных основ выработки и применения социальных технологий может помочь в преодолении сложившихся кризисных явлений как в юридической, так и в иной социальной практике. Читая В.И. Пржиленского, я понимаю, что единой и состоявшейся теории социальных технологий еще нет и что вряд ли возможна универсальная теория социальных технологий. Скорее их возможно множество, и они объективно должны учитывать специфику той или иной социальной практики или социальной науки. Поэтому я думаю, что проблема юридических технологий должна стать заботой юридической науки. В последнее время (30 – 20 – 10 лет) в юридической науке получают развитие вопросы механизмов реализации различных правовых норм, институтов, отраслей. Под механизмами как раз и подразумевается процесс перевода предписаний закона или положений теории в реальную практику. Но механизмы чаще всего рассматриваются в узких правовых рамках, что не позволяет выводить проблему на более широкий уровень социальных практик. Я думаю, это направление размышлений юристов очень созвучно проблеме социальных технологий в юриспруденции. Социальные науки, которые более тесно сталкиваются с реальными социальными технологиями, имеют более четкое, развернутое и апробированное знание об этом вопросе. Поэтому юридическая наука может и должна интегрировать имеющееся знание и опыт в свою науку и практику. Исследования юристов по вопросам юридических технологий необходимы, но они должны быть в тесной связи с философией и социальными науками, занимающимися подобными вопросами.

Очень важно замечание Г.Л. Тульчинского, что социальные практики имеют не только внешнее проявление, но еще и внутреннее субъективное проявление в них человека, осуществляющего эти практики. Технология может стать формой жизнепроявления отдельного человека. Это очень важно для юриста. В юриспруденции роль человека трудно переоценить. Жизнь права во всех его проявлениях осуществляется людьми, профессионально подготовленными юристами. И их профессиональная ежедневная деятельность включает все уровни, о которых пишет Г.Л. Тульчинский: «Инстинктивную жизненную активность (когда человек не выделяется из природных каузальных связей), поведение (рутинную активность на основе привычки, обычая, норм), деятельность (включающую элементы рациональной мотивации) и поступок (как проявление свободы и ответственности, самоопределения и самореализации). В этом плане социальные технологии относятся, скорее, к поступку и деятельности, хотя в своей реализации могут использовать или предполагать и другие формы жизненной активности». Но вряд ли современные юристы задумываются о том, что их профессиональное действие, а тем более поступок, могут вызывать широкие социальные резонансы, что их можно повторять, что они могут быть систематизированы и структурированы в технологию. К сожалению, юристы пока

нигде не обучаются целенаправленному построению осознанной технологии своей деятельности. В этом смысле весьма полезны рассуждения о технологии как «синтезе знания истины, должного и возможного» и технологии как «синтезе цели, описания некоей реальности (т.е. оценки возможностей) и нормы».

Для понимания юридических технологий, для формирования навыков их создания представляется важным и формулируемый Г.Л. Тульчинским вывод о необходимости перемещения акцентов «с частичной эффективности на целостную гармонизацию, с цели на используемые средства, с поиска первопричины на выявление следствий, а значит и — с воли на ответственность». Думаю, что социальная технология всегда связана с прогнозом последствий, а это не может не порождать формирование позитивной профессиональной ответственности юриста за совершаемые юридические действия или принимаемые решения. К сожалению, сегодня вопросы такой позитивной профессиональной ответственности обсуждаются явно недостаточно в процессе обучения юристов, тогда как это могло бы формировать и необходимые ценностные ориентиры, без которых технология может дать негативные социальные результаты.

Материал М.В. Захаровой показывает, что проблема социальных технологий актуальна и для других государств, и каждое государство, каждый народ ищет свои пути улучшения современных социальных отношений, вырабатывая для этого наиболее адекватные социальные технологии.

Для юридической науки сама постановка вопроса о необходимости социальных технологий, их истории, их характеристиках и реальных практиках применения является полезной и дает импульс задуматься над этими вопросами и при изучении права в вузе, и при осуществлении той или иной юридической практики, и для дальнейшего развития права и юридической теории.

Григорий ТУЛЬЧИНСКИЙ

Данная тематическая подборка материалов представляется весьма показательной. Действительно, В.И. Пржиленский прав, констатируя, что до сих пор сохраняется инерция, согласно которой основными методами философии сегодня являются рефлексия, критика, терапия, а не проектирование, а проектная парадигма относится преимущественно к техническим наукам, особенно тем, которые и возникли-то для изобретения и описания специальных приспособлений, механизмов, аппаратов и связанных с ними технологий.

Однако нельзя не признать, что любое знание (включая точные и гуманитарные науки) возникло именно для того же самого — освоения соответствующих практик. То, что сейчас возникает запрос на выстраивание знания социальных технологий, в определенной степени, обусловлено необходимостью преодоления отмеченной инерции.

Сложившаяся установка трактовки гуманитарного знания как преимущественно описательного, рефлексирующего над методами постижения «реальности как таковой» — неизбежная и важная стадия накопления

знаний об обществе и человеке. Другой разговор, что институционализация этого знания в научных дисциплинах привела к формированию и дивергенции дисциплин, соответствующих воспроизводящихся самодостаточных сообществ специалистов. Кризис позитивистски ориентированной науки (сначала в естествознании, а потом в социальных науках) с очевидностью показал необходимость даже не столько возвращения к практическим истокам, сколько нового синтеза. Возникновение и развитие психотерапии, маркетинга, рекламы, PR, расцвет тренинговой деятельности обозначают симптомы такого запроса.

Как отмечает Л.А. Воскобитова, даже в такой нормативной сфере, как уголовное судопроизводство, возникает необходимость не формального, а содержательного применения уголовно-процессуальных норм в их полном объеме с учетом баланса как публичных интересов, так и прав человека. А это превращает практику уголовного судопроизводства в специфическую социальную технологию, обеспечивающую решение не только собственно правовых задач, но и более широкого спектра социальных проблем. Действительно, с качеством этой технологии связаны проблемы социальной напряженности, порождаемые неправомерными действиями правоохранительных органов или несправедливыми решениями суда. А институт права (не только и не столько законодательства, сколько именно правоприменения) является главным звеном обеспечения реализации справедливости — центральной ценности социогенеза. Обеспечение справедливого (честного, правильного) суда, баланса между репрессиями, принуждением — с одной стороны, и восстановительными технологиями и примирительными процедурами — с другой, является важным условием легитимности права, а значит — консолидации социума.

То же самое можно сказать и относительно реальной деятельности институтов политической власти. Да и в материалах коллег это отмечено — политическая власть все больше осознается и реализуется как определенная технология, интегрирующая концепции и достижения экономики, психологии, социологии, теории коммуникации, биологии etc., etc. И, как говорил один известный политик, «это правильно».

Действительно, в традиционном (инженерно-техническом) технологическом знании каузальное соединяется со знаниями о пользователе — человеке. Это делает технологию знанием не только каузальным, но и телеологическим. Более того, каузальное интегрируется для достижения конкретных целей, решающих конкретные проблемы. И если такова теория машин и механизмов, если таковой на наших глазах стала теория маркетинга, а сейчас становится таковой прикладная политология, то общий тренд достаточно очевиден. Это проблемный подход и формирование междисциплинарных и трансдисциплинарных технологических комплексов, не только эффективных в решении конкретных проблем, но и расширяющих возможности построения все более гармоничного общества. Именно такие практики образуют основу все углубляющегося и расширяющегося синтеза знаний о человеческой экзистенции, информационно-коммуникативных технологиях, особенностях

проектно-сетевому социуму и т.д. Называть ли эту фазу «посттеоретической» (В.И. Пржиленский), «науками об искусственном» (Г. Саймон), «проблемным подходом» (Й. Шапиро), «проектно-целевым подходом» (И.С. Ладенко) или как-то еще – уже дело вкуса и дискурсивной стилистики. Факт парадигмального сдвига очевиден и новые аттракторы действуют.

Мария ЗАХАРОВА

В продолжение дискуссии, развернутой на страницах журнала по теме «Социальные технологии» хотелось бы еще раз подчеркнуть актуальность поднятой темы. Действительно, к настоящему периоду времени российская наука подошла к этапу доктринальной оценки социальной инженерии как феномена общественной практики. Использование методологии междисциплинарного знания в данном случае сможет качественно повысить уровень проводимых исследований. Профессор В.И. Пржиленский абсолютно прав, когда говорит, что «социотехно-теоретическое знание должно быть гибридным, то есть гетерогенным в прямом смысле слова: социальное в обязательном порядке соединяется с машинно-техническим, а машинно-техническое с культурным, антропологическим, лингвистическим».

По справедливому замечанию профессора Г.Л. Тульчинского, в своей оценке социальных технологий мы не должны углубляться в алгебраический их анализ, т.е. заниматься бесконечным перечислением их видов, построением типологий и классификаций (подобные перечни, действительно, будут напоминать вытаскивание из шляпы фокусника кроликов и других занятных предметов).

Важная задача современной российской науки – это практическое использование накопленных знаний о социальных технологиях в целях позитивной трансформации окружающей нас объективной действительности. Один из возможных вариантов такой реконструкции предложила профессор Л.А. Воскобитова, подчеркивая, что большинство уголовных дел средней и малой тяжести не должно доходить до суда и разрешаться посредством примирительных процедур еще на стадии расследования, что позволит существенно оздоровить социальные отношения как в местных сообществах, так и в государстве в целом.

Как я уже отмечала в своей статье – познание социальных технологий, субъектом и объектом которых человек стал уже много веков назад, – только начинается. И *non dubitandum est*: и для представителей прикладной, и для представителей фундаментальной науки в этом нелегком деле есть свои весомые плацдармы для свершений!

Владимир ПРЖИЛЕНСКИЙ

Обсуждение результатов исследования показывает, насколько поставленная проблема еще далека от своего разрешения и, одновременно с этим, насколько она актуальна для жизни современного российского общества. С одной стороны, элементы социальных технологий давно присутствуют в практике управления обществом, а с другой, – в иссле-

довательском и управленческом сообществе нет не только единой теории социальных технологий, но и единства во взглядах на то, какие именно виды управленческого воздействия или влияния на общество относятся к данному разряду явлений. Как показал Г.Л. Тульчинский, разработка и применение социальных технологий затрагивает проблемы социальности как таковой, а также проблемы рациональности, поставленной в широком философском контексте. Не исключено, что дальнейшее развитие теории и практики социальных технологий перевернет наши представления и о социальности, и о рациональности, заставит артикулировать данные понятия в операционализируемых терминах, как это сделали физики в XVII в. В статье Л.А. Воскобитовой эти же проблемы высвечиваются под практическим углом зрения — как ответить на тот или иной вопрос в процессе судопроизводства, который имеет, наряду с процессуальным, социальное измерение.

Чрезвычайно ценным в рассматриваемой перспективе оказывается опыт сравнительного правоведения, позволяющий увидеть как исторически сложившиеся формы правоприменения влияют на строительство правовых и политических институтов в других странах. В статье М.В. Захаровой показан своеобразный транзит идей и институциональных порядков, что с неизбежностью ставит вопрос о возможностях и границах транзитирования форм социальности и форм рациональности, детерминированных культурным опытом. Тематизация и проблематизация технологий воздействия на социальные процессы позволяет с иной точки зрения взглянуть на обсуждение цивилизационных разломов.

Социальные технологии по новому ставят вопрос о структуре и содержании знания об обществе и, я полагаю, мы стоим на пороге революции в социальных науках, масштабы которой сопоставимы с галилеевской революцией в естествознании. Разработка и внедрение социальных технологий приводит к переформатированию и реструктуризации всего корпуса знания, прежде подчинявшегося главным образом логике чистого теоретизирования. Сам характер знания начинает меняться — знание все более приобретает посттеоретический характер, что не умаляет значения теории, но выдвигает новые требования.